

И. И. Скачкова  
Волгоград, Россия

## ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

**АННОТАЦИЯ.** Объектом данного исследования является понятие языковой политики в современной социолингвистике.

Целью данной работы является рассмотрение феноменов языковой политики, языкового планирования и их понятийных дериватов. В работе использовались общенаучные методы: анализа и синтеза, сравнения, обобщения, системного подхода.

Термин «языковое планирование» в российских трудах по языкоznанию практически не встречается, а в американской социолингвистике языковое планирование рассматривается как сознательное воздействие на язык со стороны властных структур, отдельных людей, групп или организаций, относящееся главным образом к официальным языковым стилям в их письменной форме. Языковое планирование возможно и необходимо в негомогенных языковых коллективах. Объектами языкового планирования являются нация и субнациональные группы. Языковое планирование подталкивает изменение языка в нужном для агентов языкового планирования направлении. Целью языкового планирования является влияние на поведение других лиц через используемый ими язык. Но реализация решений о языковом планировании зависит от носителей языка.

Автор делает вывод о том, что термины «языковая политика» и «языковое планирование» соотносятся как общее и частное: языковое планирование считается частью языковой политики и направлено на ее реализацию. Автор обосновывает целесообразность использования термина «языковая политика», который подчеркивает зависимость феномена языковой политики от политики государства, дискурса и политических лидеров. Результаты, полученные в статье, могут использоваться в курсах общего языкоznания и социолингвистики.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** языковая политика; языковое планирование; языковое строительство; имплицитная языковая политика.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:** Скачкова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Волгоградский филиал); адрес: 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8; e-mail: irinask.2007@mail.ru.

Поскольку мы занимаемся изучением языковой политики в Соединенных Штатах и в качестве материалов исследования используем работы зарубежных ученых, то считаем целесообразным рассмотреть понятия «языковой политики», употребляемые разными учеными. Кроме того, мы рассмотрим, каким образом соотносятся понятия «языковая политика» и «языковое планирование», которые в российской социолингвистике часто используются как синонимы. Также опишем, каким образом соотносятся понятийные дериваты термина «языковая политика».

В данном исследовании мы опираемся на достижения современной лингвистической философии, которая определяет язык как арсенал знаний, которые передаются и усваиваются. Мы также используем языковую модель Ю. Хабермаса, который рассматривает язык как отражение социальной практики. Ю. Хабермас утверждает, что изменения в политике, культуре, экономике непосредственным образом сказываются на языке, превращая его в медиума (посредника) между автономным существованием человека и социумом [Хабермас 2000]. В. В. Наумов, в свою очередь, говорит о том, что «не всякие изменения социума обусловливают развитие языка» [Наумов 2010: 8], однако взаимодействие общества и языка обеспечивает функционирование последнего и стимулирует языковые изменения [Наумов 2010: 9]. В. М. Алпатов придерживается того мнения, что «социальные изменения неизбежно отражаются и на изменениях в функционировании тех или иных языковых образований» [Алпатов 2013: 21]. Другими

словами, социальные изменения стимулируют функциональные изменения языка.

Определение языкового планирования (Language Planning) впервые было дано Эйнаром Хаугеном в ходе его деятельности по языковому планированию в Норвегии в 1959 г. Под языковым планированием он понимал любое воздействие на язык, осуществляющее со стороны официальных организаций или частных лиц, имеющее официальный или неофициальный характер [Haugen 1959]. Как самостоятельная дисциплина языковое планирование начало формироваться в конце 1960-х гг. В своей работе «Лингвистика и языковое планирование» Э. Хауген рассматривает нормативную, или предписывающую лингвистику как некий вид управления (или манипулирования) языком. Таким образом, уже Панини, древнеиндийский лингвист, предположительно живший в V в. до нашей эры, может считаться «законодателем языка», как и греческие и латинские грамматисты, бывшие авторами учебников и желавшие установить непоколебимые нормы письменной и устной речи на этих языках [Хауген 1975: 443].

В этой же работе Э. Хауген говорит о том, что языковое планирование относится к официальным языковым стилям, особенно в их письменной форме. Языковое планирование возможно во вторичном речевом коллективе, в котором имеется частичное взаимопонимание, и третичном речевом коллективе, в котором понимания нет, поэтому там требуются переводчики. В первичном речевом коллективе языковое планирование не

требуется, поскольку между говорящими существуют лишь идиосинкретические, или, в лингвистических терминах, идиолектные различия [Хауген 1975: 450]. В качестве примера вторичного языкового коллектива ученый назвал Англию, а третичного — Швейцарию. С точки зрения исследователя, в этих государствах языковое планирование необходимо, поскольку эти речевые коллективы нуждаются в некотором общем коде, который позволил бы всем желающим осуществлять общение с членами других первичных коллективов [Хауген 1975: 450]. Мы считаем, что США относятся ко вторичному речевому коллективу. Для целей нашего исследования важным является утверждение Э. Хаугена о том, что объектом языкового планирования является нация, но при этом не следует забывать о субнациональных группах. В той же работе ученый говорит о том, что языковое планирование означает преднамеренное подталкивание языкового изменения в нужном направлении, но реализация решений о языковом планировании в конечном счете, зависит от носителей языка которые являются последней инстанцией в этом деле [Хауген 1975: 467].

Резюмируем высказывания Э. Хаугена о языковом планировании. С его точки зрения, языковое планирование возникло около V в. до нашей эры. К языковому планированию он относит нормативную (предписывающую) лингвистику. Ученый дает очень широкое определение языкового планирования, которое рассматривается с точки зрения официальности/неофициальности и относится только к официальным языковым стилям, преимущественно в письменной форме. Языковое планирование возможно в тех речевых коллективах, в которых возникают коммуникативные неудачи. Объектом языкового планирования является нация, но субнациональные группы также входят в сферу интересов агентов языкового планирования. Языковое планирование направлено на изменение языка в нужном для агентов планирования направлении, но реализация решений о языковом планировании полностью зависит от носителей языка.

Если говорить коротко, то Э. Хауген определяет языковое планирование как «оценку языкового изменения». Поскольку люди «могут и действительно <...> меняют <...> свой язык», то у них должен быть выбор (языковых средств). Следовательно, ученые могут говорить о языковом планировании как о «попытке повлиять на этот выбор» [Хауген 1975: 445]. Такого же мнения придерживается Р. Фазолд, который говорит, что «именно существование выбора делает возможным языковое планирование» [Цит. по: Гришаева 2007: 49]. Но подробнее о возможности языкового планирования и языковой политики мы поговорим в другой раз, а сейчас добавим о праве выбора. В. В. Наумов полагает, что право выбора (или, точнее, свобода в реализации этого права) является относительным и зависит а) от общей языковой ситуации, определяемой государственными или административными структурами; б) национальной ментальности, проявляющейся, в частности, в отношении нации к иностранным языкам [Наумов 2010: 15]. Примером права выбора языковых единиц может являться ситуация на Украине

в феврале 2014 г. 23 февраля Верховная рада отменила Закон об основах государственной языковой политики от 3 июля 2012 г. Этот закон предусматривал возможность официального двуязычия в тех регионах, в которых миноритарные группы составляют более 10 % (численность национальных меньшинств превышает 10 % в 13 из 27 административно-территориальных единиц Украины). В Крыму родители имели право выбора языка обучения в школе для своих детей. А в феврале 2014 г. русский язык был объявлен вне закона, Рада предусмотрела уголовное наказание за использование любого миноритарного языка в общественном месте. Речь идет не только о русском языке, но также о венгерском, польском, румынском, молдавском.

Некоторые советские и российские ученые критически относятся к самой возможности языкового планирования. Нарекания вызывает термин «планирование», некоторые исследователи считают неуместным использовать его применительно к языковому развитию [Стеблин-Каменский 1960: 56]. «По-видимому, термин „языковое планирование“ неудачен, — писал А. Д. Швейцер, — так как он действительно может создать представление о том, что развитие языка можно сознательно направлять по тому или иному руслу. Думается, что используемые в <...> языкоизнаннии термины „языковая политика“ и „языковое строительство“ значительно точнее и правильнее отражают суть дела, поскольку они подразумевают не направление языкового развития, а вмешательство в стихийно развивающиеся языковые процессы, причем вмешательство, ограниченное различной восприимчивостью языковых подсистем к влиянию извне» [Швейцер 1971: 71—72]. Однако автор процитированных строк в целом не отрицает суть и методы языкового планирования.

В отечественной социолингвистике термин «языковое планирование» практически не встречается. Он, как и термин «языковое строительство», чаще используется для обозначения позитивной политики, направленной на укрепление коммуникативных и социальных функций конкретных языков. Но к языковой политике также относится деструктивное воздействие на язык, запрещение или ограничение использования конкретного языка его носителями. Например, в начале XX в., когда США проводили политику ассимиляции разнообразных языковых групп, многих учителей, которые работали в двухязычных классах, судили и признали виновными за то, что они вели занятия на родных языках учеников. Детей ругали и даже наказывали за то, что они говорили на родном языке в классах, школьных коридорах и на игровых площадках [Crawford 1995: 89]. Поэтому некоторые исследователи предлагают использовать термин «языковая политика» как общее обозначение любой практики сознательного воздействия на языковую ситуацию — и позитивной, и негативной (ограничительной и разрушающей).

Однако другие исследователи, например Е. Б. Гришаева, считают, что термин «языковое планирование» более нейтрален и не вызывает отторжения у большинства этнически разнородного населения в различных странах. С ее точки

зрения, языковая политика зависит от политики государства, которая в конечном счете определяется политикой господствующего класса, а в многонациональных государствах — еще и политикой в национальном вопросе. Поэтому исследовательница предлагает использовать более нейтральный по форме и содержанию термин «планирование» [Гришаева 2007: 63]. Представляется, что она права в своих предположениях относительно зависимости языковой политики от политики государства, политики господствующего класса и национальной политики. Именно поэтому мы считаем целесообразным использовать термин «языковая политика», который подчеркивает зависимость от указанных выше политик, дискурса и политических лидеров. В качестве определения языковой политики на данном этапе исследования мы используем данную в большом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой дефиницию: языковая политика — это «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Языкоznание: 616].

Несмотря на вышесказанное, в работах американских исследователей чаще встречается термин «языковое планирование», поэтому далее мы рассмотрим определения языкового планирования, данные американскими учеными.

Р. Купер считает, что «языковое планирование относится к целенаправленным усилиям для влияния на поведение других лиц в отношении приобретения, структуры или функционального распределения их языковых кодов» [Cooper 1989: 45]. В данном понимании языкового планирования подчеркивается стремление влиять на поведение человека в многоязычном обществе через его язык. Кроме того, в этом определении говорится о возможности влияния на структуру языка, но агент планирования не упоминается.

Д. Бломмаерт относит к языковому планированию все случаи, в которых власть пытается формировать социолингвистические характеристики общества любыми средствами. С ее точки зрения, цели языкового планирования имеют социальный, политический или экономический характер. [Blommaert 1996: 207]. Б. Вайнштейн рассматривает языковое планирование в качестве «инструмента лидеров, желающих изменить общество», который «направлен на „изменение“ с помощью рационально скоординированных действий государства» [Weinstein 1983: 37]. Дэвид Робинсон считает, что языковое планирование — это официальная деятельность правительства, направленная на отбор и развитие унифицированного административного языка или языков. Языковое планирование — это последовательные действия отдельных людей, групп или организаций, влияющие на использование языка или его развитие [Robinson 1988]. По мнению этих исследователей, языковое планирование — это стремление власти любыми способами повлиять на речевое поведение членов общества.

Проанализированные определения языкового планирования можно свести к следующему: в американской социолингвистике языковое планирование рассматривается как сознательное воздействие на язык со стороны властных струк-

тур, отдельных людей, групп или организаций, относящееся главным образом к официальным языковым стилям в их письменной форме. Языковое планирование возможно (и необходимо) в негомогенных языковых коллективах. Объектом языкового планирования являются нация и субнациональные группы. Языковое планирование подталкивает изменение языка в нужном для агентов языкового планирования направлении, причем американские социолингвисты считают возможным изменение структуры языка. Целью языкового планирования является влияние на поведение других лиц через используемый ими язык. Но реализация решений о языковом планировании зависит от носителей языка. Некоторые лингвисты при рассмотрении разных определений языкового планирования говорят, что основные положения языкового планирования традиционно рассматриваются в контексте следующих вопросов: КТО планирует, для КОГО и КАК [Гришаева 2007: 52].

Выше мы говорили, что термин «языковое планирование» был предложен в 1959 г. А словосочетание «языковая политика» в американской лингвистике в 1970 г. предложил Дж. Фишман, не отметивший его существенного отличия от понятия «языковое планирование» [Fishman 1975: 108]. Э. Хауген предлагал изучать языковое планирование в рамках прикладной лингвистики, а Дж. Фишман рассматривал языковую политику в рамках прикладной социолингвистики. Следует заметить, что в отечественной социолингвистике термин «языковая политика» впервые был употреблен Е. Д. Поливановым в 1929 г. для обозначения одной из очередных проблем социальной лингвистики [Поливанов 1929].

Далее рассмотрим, каким образом ученые соотносят понятия «языковое планирование» и «языковая политика». В 1975 г. Э. Хауген назвал языковое планирование одним из видов языковой политики [Хауген 1975]. М. Херриман и Б. Барнаби рассматривают языковое планирование как фактическую реализацию языковой политики. Когда политика создается намеренно и сознательно, она обычно включает некоторые формы планирования. Когда власть (государство) не проводит официальную языковую политику, национальные языки могут получить статус официальных в результате имплицитной (неявной) политики (примером может служить английский в США) [Herriman, Burnaby 1996]. Джозеф Ло Бьянко, австралийский ученый, который занимается дискурсивными исследованиями языковой политики в США, в своих работах использует термин «языковая политика и планирование» (language policy and planning), не разделяя эти понятия [Bianco 2001]. Австралийский лингвист Ричард Балдауф рассматривает языковую политику как заявление о намерениях, а языковое планирование — как реализацию, выполнение политики и определяет языковую политику как планирование, часто крупномасштабное и национальное, обычно осуществляющее правительством. Целью такой политики, с его точки зрения, является влияние на способы общения, уровень владения языком или их изменение [Baldauf 1993/1994]. Схожую точку зрения высказали отечественные

социолингвисты Н. Б. Вахтин и Е. Б. Головко. В своей работе «Социолингвистика и социология языка» они разграничивали языковую политику и языковое планирование как общее и частное. Языковая политика — это часть общей политики государства, которое принимает основные принципы политики в отношении языков, функционирующих на его территории. А языковое планирование — это часть более общего понятия «языковая политика», или, точнее, — это реализация языковой политики [Вахтин, Головко 2004: 163]. Современный отечественный ученый В. Т. Клоков полагает, что слово «планирование» ассоциируется прежде всего с созданием определенной программы, а слово «политика» понимается как наличие и проведение в жизнь некоторых планов. Поэтому он предлагает термином «языковая политика» обозначать как планирование, так и реализацию мероприятий в области языка, а термином «языковое планирование» — изучение и прогнозирование языковых проблем, а также процесс прогнозирования определенных мероприятий в сфере языка (языков) [Клоков 1992: 7].

Многие ученые считают, что языковая политика и языковое планирование различаются целями. Так, профессор С. Н. Кузнецов считает, что целями языковой политики являются: 1) сохранение существующего языка, 2) изменение существующего языка, а также 3) возобновление функций („оживление“) мертвого литературного языка (современная история иврита), 4) создание нового литературного языка (история новонорвежского, индонезийского и др. языков). Языковое планирование (но не обязательно языковая политика) может преследовать также следующие цели: 5) создание региональных надъязыковых систем (общеславянский язык Крижанича, современные попытки создания общескандинавской языковой нормы или общескандинавского языка), 6) создание общемировых надъязыковых систем (международные искусственные языки типа эсперанто)» [Кузнецов]. Кроме того, как мы уже говорили, в западной социолингвистике используются термины *status planning* и *corpus planning* для обозначения статусного и корпусного планирования. Это может быть причиной того, что термины «языковая политика» и «языковое планирование» часто используются как синонимы, что, с нашей точки зрения, является некорректным. В нашем исследовании термины «языковая политика» и «языковое планирование» не являются идентичными.

Далее рассмотрим, как соотносятся понятийные дериваты термина «языковая политика». В англоязычной научной литературе употребляются такие термины, как «языковой инженеринг», «языковое развитие», «языковое определение», «культтивирование», «модернизация», «языковой менеджмент», которые подразумевают «набор сознательных и систематических усилий, направленных на организацию и развитие ресурсов языка в ограниченный период времени» [Гришаева 2007: 51]. В 20—30-х гг. XX в. в СССР возник термин «языковое строительство» для обозначения активной работы, проводимой государством по развитию малых и окраинных языков (создание алфавитов для бесписьменных языков, создание национальных терминологий, развитие образова-

ния, печати, делопроизводства на языках национальных меньшинств). Практика языкового строительства (это еще один вариант перевода английского термина «language engineering» — языковой инженеринг) в США появилась после Второй мировой войны, но как самостоятельная исследовательская дисциплина начала формироваться в конце 1960-х гг. Правда, до настоящего времени среди ученых нет единого мнения о том, что является объектом и предметом данной отрасли научного знания.

Современный украинский исследователь И. В. Попеску предлагает еще одно понятие — языковое прогнозирование — и определяет его как один из этапов языковой политики, наряду с языковым строительством и языковым планированием [Попеску].

В названии коллективной монографии, посвященной исследованию отношений языка и государства, французские исследователи использовали термин «языковое обустройство» (*aménagement linguistique*) («Языковая политика и языковое обустройство»). Под «обустройством» авторами понимается деятельность правительственные и общественные организаций, направленная на урегулирование конфликтных языковых ситуаций в многонациональных странах, когда напряженность возникла в результате противоположного действия, с одной стороны, тенденции к политико-экономической интеграции в большинстве стран Запада и, с другой стороны, тенденции к культурно-языковой диверсификации [см.: Гришаева 2007: 51]. В 1986 г. в статье «За создание глottopolитики» французские исследователи Л. Геспена и Ж.-Б. Марселлези предложили термин «глottополитика», в котором, по их мнению,нейтрализуется противопоставление между языком и речью. Глottополитика включает в себя как сознательное, так и бессознательное воздействие общества на язык, например, установление статуса французского языка и языков национальных меньшинств, воздействие на речевые произведения, тексты, например, когда отвергается какое-либо употребление или текст становится материалом для анализа [см.: Гришаева 2007: 68].

По мнению французских ученых, языковая политика отличается от глottополитики тем, что первая представляет собой дискретные акты, которые оказывают воздействие на одну или несколько языковых систем, в то время как вторая оказывает свое действие непрерывно и направлена на речевую практику, имеющую дискретный характер. Глottополитика необходима для объединения всех фактов речевой деятельности, испытывающих в результате применения языковой политики влияние со стороны общества [см.: Гришаева 2007: 68]. В работах современных англоязычных авторов нам этот термин не встретился. Следует отметить, что точное разграничение указанных выше типов деятельности возможно для описательных и педагогических целей, на самом деле цели языковой политики и языкового планирования являются более многочисленными и сложными. Виды деятельности для достижения этих целей часто пересекаются друг с другом и даже могут противоречить друг другу [Baldauf 1993/1994: 87].

В данной статье было рассмотрено возникновение терминов «языковое планирование» и «языковая политика», проанализировано отличие этих понятий друг от друга. В статье показано, что большинство ученых соотносят термины «языковая политика» и «языковое планирование» как общее и частное, языковое планирование считается частью языковой политики и направлено на реализацию языковой политики. В данной работе также обосновывается целесообразность использования термина «языковая политика», который подчеркивает зависимость феномена языковой политики от политики государства, дискурса и политических лидеров.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двухязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. № 2 (12). 2013. С. 8-28.
2. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиглоссическом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. — Красноярск, 2007.
3. Кузнецов С. Н. Языковая политика и языковое планирование. URL: [http://genhis.philol.msu.ru/article\\_195.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml) (дата обращения: 27.06.12)
4. Наумов В. В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. — М. : КомКнига, 2010.
5. Поливанов Е. Д. Круг очередных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. — М., 1929. № 1. С. 57—62.
6. Попеску И. В. Теоретические основы языковой политики. URL: <http://russian.kiev.ua/print.php?id=9001564> (дата обращения: 17.04.2011).
7. Стеблин-Каменский М. И. Возможно ли планирование языкового развития? // Вопр. языкоznания. 1968. № 3. С. 47—56.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб. : Наука, 2000.
9. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. — М., 1975. Вып. 7 : Социолингвистика. С. 441—472.
10. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике — М. : Наука, 1971.
11. Языкоznание. Большой энциклопедический словарь. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
12. Baldauf R. Unplanned Language Policy and Planning // Annual Review of Applied Linguistics. 1993/1994. № 14. P. 82—89.
13. Bianco J. L. Officialising Language. A Discourse Study of Language Politics in the United States. — Sidney, 2001.
14. Blommaert J. Language planning as a discourse on language and society: The linguistic ideology of a scholarly tradition Language // Problems and Language Planning. 1996. № 20 (3). P. 199—222.
15. Cooper R. Language planning and social change. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989.
16. Crawford J. Bilingual Education, History, Politics, Theory and Practice. 3rd ed. — Trenton, NJ : Crane, 1995.
17. Haugen E. Planning for Standard Language in Modern Norway // Antropol. Ling. 1959. № 8.
18. Herriman M., Burnaby B. Language policies in English-dominant countries. — Clevedon, England : Multilingual Matters, 1996.
19. Robinson D. Language Policy and Planning // ERIC Digest. Clearinghouse on Languages and Linguistics. — Washington DC, 1988.
20. Weinstein B. The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choices. — New York: Longman, 1983.

I. I. Skachkova  
Volgograd, Russia

### LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE PLANNING: DEFINITION OF THE NOTIONS

**ABSTRACT.** The article deals with the concept of language policy in modern sociolinguistics.

The purpose of the paper is to examine the phenomena of language policy, language planning and their conceptual derivatives. General scientific methods are used in the paper: analysis and synthesis, comparison, generalization and systemic approach.

In Russian writings in linguistics the term “language planning” practically does not occur, and in the American socio-linguistics “language planning” is viewed upon as a conscious influence on language by authorities, individuals, groups or organizations, related mainly to official language styles in their written form. Language planning is possible and necessary in non-homogeneous language communities. A nation and sub-national groups are the objects of language planning. Language planning stimulates language change in the direction, necessary for the agents of language planning. The purpose of language planning is to influence the behavior of others through the use of language. But the implementation of decisions in language planning depends on the speakers.

The author concludes that the terms “language policy” and “language planning” are related as the general and the particular. Language planning is considered to be a part of language policy and is aimed at its implementation. The author proves the expediency of the term “language policy”, which brings out the dependence of the phenomenon of language policy on the state policy, discourse and political leaders. The results of the study can be used in the theory of linguistics and sociolinguistics.

**KEY WORDS:** language policy; language planning; language engineering; implicit language policy.

**ABOUT THE AUTHOR:** Skachkova Irina Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd branch), Volgograd, Russia.

### LITERATURE

1. Alpatov V. M. Yazykovaya politika v sovremennom mire: «odnoyazychnaya» i «dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoy assimiliatsii // Comparative politics. № 2 (12). 2013. С. 8-28.
2. Grishaeva E. B. Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v poliglotticheskem i

- mul'tikul'turnom prostranstve (funktional'nyy aspekt): dis. ... doktora filol. nauk. Krasnoyarsk, 2007.
3. Kuznetsov S. N. Yazykovaya politika i yazykovoe planirovanie // genhis.philol.msu.ru. URL: [http://genhis.philol.msu.ru/article\\_195.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml) (data obrashcheniya: 27.06.12)
4. Naumov V. V. Gosudarstvo i yazyk: Formuly vlasti i bezvlastiya. M. : KomKniga, 2010. 184 c.
5. Polivanov E. D. Krug sovremennoykh problem sovremennoy lingvistiki // Russkiy yazyk v sovetskoy shkole. M., 1929. № 1. s. 57-62.
6. Popesku I. V. Teoreticheskie osnovy yazykovoy politiki. URL: <http://russian.kiev.ua/print.php?id=9001564> (data obrashcheniya: 17.04.11)
7. Steblin-Kamenskiy, M. I. Vozmozhno li planirovanie yazykovogo razvitiya // Vopr. Yazykoznanija. 1960. № 3. S. 47-56.
8. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie. SPb.: Nauka, 2000. 380 s.
9. Khaugen E. Lingvistika i yazykovoe planirovanie // Novoe v lingvistike. Vyp. VII. Sotsiolingvistika. M., 1975. S. 441-472.
10. Shveytser A. D. Voprosy sotsiologii yazyka v sovremennoy amerikanskoy lingvistike M. : Nauka, 1971. 104 s.
11. Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar'. M. : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. 685 s.
12. Baldauf R. Unplanned Language Policy and Planning // Annual Review of Applied Linguistics. 1993/1994. № 14. P. 82-89.
13. Bianco J. L. Officialising Language. A Discourse Study of Language Politics in the United States. Sidney, 2001. 367 p.
14. Blommaert J. Language planning as a discourse on language and society: The linguistic ideology of a scholarly tradition Language // Problems and Language Planning. 1996. № 20(3). P. 199-222.
15. Cooper R. Language planning and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 221 p.
16. Crawford J. Bilingual Education, History, Politics, Theory and Practice. (3rd ed.) Trenton, NJ, Crane, 1995.
17. Haugen E. Planning for Standard Language in Modern Norway // Antropol. Ling., 1959. № 8.
18. Herriman M., & Burnaby B. Language policies in English-dominant countries. Clevedon, England: Multilingual Matters, 1996. 244 p.
19. Robinson D. Language Policy and Planning // ERIC Digest. Clearinghouse on Languages and Linguistics Washington DC, 1988.
20. Weinstein B. The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choices. New York: Longman, 1983.

**Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик.**